

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2020, №6, Том 8 / 2020, No 6, Vol 8 <https://mir-nauki.com/issue-6-2020.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/03PDMN620.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Меметов А., Меметов И.А., Сухоруков А.Н., Меджитова Э.Н. Из истории крымскотатарского народного образования // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №6, <https://mir-nauki.com/PDF/03PDMN620.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Memetov A., Memetov I.A., Sukhorukov A.N., Medzhitova E.N. (2020). To the history of Crimean-Tatar traditional education. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 6(8). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/03PDMN620.pdf> (in Russian)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00030 «Развитие востоковедной мысли в Крыму», реализуемый в Крымском федеральном университете им. В.И. Вернадского)

This work was supported by grant RFFI № 19-011-00030

УДК 94:37

Меметов Айдер

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Симферополь, Россия
Декан факультета «Крымскотатарской и восточной филологии»

Доктор филологических наук, профессор

E-mail: aydem44@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0306-0538>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=890133

Меметов Искандер Айдерович

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Симферополь, Россия
Доцент кафедры «Восточной филологии»

Кандидат филологических наук, доцент

E-mail: isken25@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0417-1475>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=890581

Сухоруков Алексей Николаевич

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Симферополь, Россия
Старший преподаватель

E-mail: sankafd2004@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9221-2240>

Меджитова Эдибе Назимовна

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Симферополь, Россия
Старший преподаватель кафедры «Крымскотатарской филологии»

E-mail: medzhitova-ydi2008@yandex.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6561-4324>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=827758

Из истории крымскотатарского народного образования

Аннотация. В данной работе исследуются вопросы развития народного образования крымских татар XIII–XVIII вв., т. е. начиная с золотоордынского периода и до присоединения Крыма к России. Материалы статьи базируются на архивных и малоизвестных печатных источниках. В ней, в значительной мере, впервые вводится в научный оборот новый фактический материал. Работа представляет собой первую попытку комплексного

исследования процесса развития народного образования крымских татар и их учебных заведений в XIII–XVIII веках. В основу работы был положен проблемно-хронологический метод последовательности исторических фактов. Конкретный исторический материал был проанализирован, исходя из принципа объективности и историзма.

Помимо результатов археологических исследований, были изучены данные путевых заметок средневековых путешественников, оказавшихся в Крыму, а также сохранившиеся рукописи и старопечатные книги, которые представлены в архивах и библиотечных флондах Крыма и прежде могли служить в качестве учебников в образовательных учреждениях. Значительный массив данных получен из Камерального описания Крыма 1783 года, – подробной описи, в том числе учебных заведений различного типа на полуострове, сделанной сразу же после присоединения Крыма к Российской империи, которая предоставляет возможность восстановить картину не только относительно системы обучения, но и финансовых расходов на содержание учителей и ремонт школ. Для глубокого исследования истоков и корней этнопедагогических принципов крымских татар в работе дополнительно используется фольклорный материал.

Основное внимание в статье уделено ряду важных вопросов образования крымских татар, раскрываются принципы функционирования конфессиональных крымскотатарских школ, устанавливается, что для исламского образования в средние века было характерно деление на два уровня: мектебы и медресе, рассматривается структура учебного процесса в них и отдельные вопросы методики обучения.

Ключевые слова: Крым; Золотая орда; Крымское ханство; крымские татары; образование; мектеб; медресе

Введение

Просвещение является одним из наиболее важных элементов культуры любого народа, и моменты, связанные с особенностями образования в среде того или иного этноса, заслуживают внимательного и детального изучения. Нашими предшественниками вопросы просвещения крымскотатарского народа изучались эпизодически в контексте тех или иных проблем более масштабного плана. Тем не менее, именно эти труды оказали неоценимую помощь в анализе тех или иных процессов в истории образования крымских татар.

Методологической и теоретической основой данного исследования является исторический метод и системный подход, базирующийся на многоплановом критическом анализе исторических источников, принципе научности, гуманистических и общекультурных ценностях. Использовалась также и система методов познания действительности, опирающаяся на диалектический принцип понимания исторического процесса, достижения историков, этнологов, путешественников, фольклористов и педагогов в разработке проблем причинной взаимосвязанности сфер культурной жизни. В основу работы был положен проблемно-хронологический метод последовательности исторических фактов. Конкретный исторический материал мы стремились анализировать, исходя из принципа объективности и историзма.

Целью данного исследования является попытка создать комплексную, целостную, и главное, научную картину в вопросе развития просвещения крымских татар до присоединения Крыма к России (1783 г.). В этом исследовании мы рассмотрим ряд важных вопросов отношения ислама к проблеме образования крымских татар, а также основные типы учебных заведений Крыма. Так, в системе традиционных учебных заведений раскрываются принципы функционирования конфессиональных крымскотатарских школ: мектеб – медресе.

1. Сведения о зарождении крымскотатарского народного образования

Известно, что школами первой ступени в Крыму были мектебы (от араб. مكتب мактаб «школа», производное от глагола كَتَبَ катаба «писать», следовательно, «мактаб» дословно означает «место, где пишут»). В мектебах детей мусульман обучали основам ислама и родному языку. Каждый мусульманин должен был уметь читать Коран, и поэтому значение мектеба переоценить сложно. Этот тип учебных заведений должен был охватить практически все мусульманское население той или иной исламской страны.

О появлении первых мусульманских мектебов в Крыму точных сведений нет. Можно предполагать, что они появились в Крыму после принятия ислама золотоордынским ханом Берке (1257–1266). Исторические источники свидетельствуют о том, что хан Берке (младший брат знаменитого Бату-хана) объявил о принятии ислама в известной бухарской обители весьма популярного суфийского шейха Сайфаддина Бахарзи (ум. 1260), бывшего учеником основателя одного из наиболее популярных суфийских орденов Кубрави – Наджмиддина Кубра (1145–1221). Дж.С. Тримингем по этому поводу пишет: «Примечательно, что два первых монгольских правителя, принявших ислам, – Берке в Золотой Орде и Газаи в Тебризе, – предпочли найти суфийского, а не суннитского алима, перед которым они могли бы публично заявить о своей приверженности исламу. Берке... специально отправился в Бухару, чтобы принять ислам от суфия ордена кубрави Сайфаддина Саида аль-Бахарзи (ум. 658/1260)» [1, с. 81–82].

Спустя несколько десятилетий после Берке-хана, Узбек-хан (1312–1342) провозгласил ислам государственной религией в Золотой орде. При нем, а потом и при его сыне и наследнике Джанибеке (1342–1357), государство переживает период значительной творческой и интеллектуальной активности. Особое внимание уделяется образованию, науке, литературе и искусству. В Крымском улусе продолжается формирование образовательной инфраструктуры и ряда научно-религиозных и суфийских центров [2, с. 35].

Процесс исламизации населения полуострова, а вместе с этим и строительство мечетей, текие, мектебов, а потом и медресе, начинается во второй половине XIII столетия. В это время в Крым прибывают проповедники ислама из различных городов мусульманского мира, в основном из Бухары, Хорезма, Балха, сельджукской Конии, иранского Тебриза, из Эрбиля, Дамаска и Алеппо. Названия этих крупных малоазиатских и среднеазиатских центров, откуда осуществлялась в тот период интенсивная мусульманская пропаганда, явственно отражают вещественные памятники: строительные надписи на мечетях, надписи на надгробиях, огромное количество которых найдено в Старом Крыму и Отузах во время раскопок, проведённых археологическими экспедициями в 1925–1926 и 1928 годах [3, с. 70].

Время возведения первых мечетей на территории Крыма определить сложно, однако известно, что ещё в 1222 году в Судак сельджукским султаном Аля-эд-дином Кей-Кубадам была построена мечеть, от которой к настоящему времени сохранились лишь отдельные архитектурные элементы. С 1260-х годов начинается процесс массового возведения мечетей в районе города Крым – столицы Крымского улуса Золотой Орды. Первая мечеть в этом городе, известная как мечеть Хаджи Умара аль-Бухари, была построена в месяце зуль-када в 661 году хиджры (сентябрь–октябрь 1263 г.), о чем свидетельствует строительная надпись на портале мечети, сделанная по-арабски [4, с. 168]. Вполне вероятно, что под влиянием имама этой мечети авторитет улемов из Бухары в глазах хана Берке вырос ещё больше. Через три года после завершения строительства мечети состоялся его знаменитый среднеазиатский поход, закончившийся, помимо прочего, окончательным принятием этим золотоордынским ханом ислама (в Бухаре) и переселением в город Крым части среднеазиатских исламских учёных. Эвлия Челеби так передаёт рассказ об этом из «Истории Тохта бая»: «В 665 году [1266/1267 г.] он [Берке-хан] собрал тысячу восьмьсот учёных и баба к себе, и с почтением и милостью

препроводил их в Крым. Все эти учёные основали мечети и медресе, а [хан] с газиями построил для всех учёных и их семей дома» [4, с. 234]. В 1269 году в Крыму оказывается ещё одна крупная группа мусульман-суфиев, прибывших с другой стороны, а именно из Коньи и Анатолии. Дервиши во главе с легендарным суфийским проповедником Сары Салтук Баба сопровождали в пути освобождённого из византийского плена опального сельджукского султана Кей-Кавуса II. Прибыл он в Крым по приглашению хана Берке, который отдал Кей-Кавусу в управление два города в Крыму – его столицу, Солхат/Крым, и богатый портовый город Судак. После смерти хана Берке темпы распространения ислама в Крыму на некоторое время снижаются, но с приходом к власти Узбек-хана и принятием им ислама, эта религия, а вместе с ней и традиционная для ислама форма образования, распространяется по всему Крыму.

Для исламского образования в средние века было характерно деление на два уровня: мектебы и медресе. Мектебы – это учебные заведения начального уровня, медресе – более высокого, где велось преподавание широкого спектра наук и готовились будущие духовные деятели, учёные и чиновники.

2. Крымскотатарские мектебы

Крымскотатарские начальные национально-конфессиональные мектебы делились на три основных типа: приходские (при мечети), общественные (джемаатские) и частные. Наиболее авторитетными были мектебы при мечетях. Занятия в них вели, обычно, представители мусульманского духовенства: имамы, муллы, мезины (помощники муллы), хатибы и муэдзины; иногда эти функции могли выполнять дервихуны (специальные чтецы Корана при мечети), курсу-шейхи (проповедники при мечети) и мухафисы (хранители книг при мечети). В отдельных случаях выделялся специальный человек (мударрис), занимающийся исключительно обучением. Школы этого типа (мектебы) нередко существовали на вакуфные средства, т. е. завещанные на богоугодные дела (в т. ч. на образование), как правило, богатыми представителями джемаата (общины).

Независимо от того, существовала ли в крымскотатарской общине приходская школа, мусульмане Крыма создавали общественные (джемаатские) и частные начальные учебные заведения для изучения Корана, основ ислама и родного языка. Их появление могло обуславливаться рядом причин, таких, как большое число детей соответствующего возраста, недостаточная, по мнению родителей, педагогическая квалификация муллы или просто вызванная чем-то личная неприязнь.

Третьей формой мектебов, распространённой у крымских татар, были частные коранические школы. Они открывались на средства богатых и влиятельных в общине мусульман. Этим благодетели добивались уважения и признания собственного авторитета. В их числе могли быть образованные, сознательные крымскотатарские земледельцы, торговцы, богатые ремесленники, промышленники. Частные мектебы открывались и усилиями отдельных групп мусульман [5, с. 27].

Трудно с полной уверенностью утверждать, как функционировали начальные школы в Крыму на протяжении нескольких столетий. Однако, зная, как благоговейно мусульмане охраняли свои социальные институты и традиции, представляется возможным реконструировать не только систему обучения, но и финансовые расходы на содержание учителей и ремонт школ. В «Камеральном описании Крыма» 1783 года, сделанного сразу после завоевания Крыма Российской империей, приводятся данные о жаловании служителей мечетей, в том числе мударрисов или дерсеам. Так, сообщается, что дерсеам (учитель богословия) при Ханской мечети в Бахчисарае по имени Абдул Ибрагим Эфенди в месяц получал сумму,

эквивалентную 3 рублям, 36 рублей в год, от Кефинской (совр. Феодосия) таможни¹. Значительно дешевле обходилось в Бахчисарае содержание школы для мальчиков при той же Ханской мечети. Единственный учитель в ней, Ахмет Эфенди, получал от Казловской (совр. Евпатория) таможни в месяц сумму, эквивалентную 1 рублю, 12 рублей в год. Прочие же школы Бахчисарая довольствовались тем, что дано им будет добровольными подношениями².

Состав учителей мектебов отличался пестротой и разнообразием. Особое место среди учителей занимали служители мусульманской религии. Это были прежде всего имамы, муллы, хатипы, муэдзины и т. д. Должности учителей мектебов могли исполнять и члены семей мусульманского духовенства, обычно если занятия в классах мальчиков, т. е. мужском мектебе, вел мулла, то уроки с ученицами проводила его жена, дочь и т. д. Кроме вышеупомянутых лиц к обучению в мектебе приглашались «аджи», т. е. люди, совершившие паломничество к святым для мусульман местам, главным образом в Мекку. Эта категория учителей пользовалась особым уважением, почетом и влиянием на общину.

Нередко в мектебах с учениками занимались сохты (студенты) духовных мусульманских учебных заведений-медресе. Они либо не заканчивали собственного обучения, либо находились в продолжительном «академическом» отпуске.

При определённых условиях учителями могли стать обыкновенные относительно образованные члены местной мусульманской общины, пользующиеся доверием и уважением односельчан. Учителя этой категории обычно содержали частные мектебы. В исключительных случаях местная мусульманская община для замещения вакантной должности учителя приглашала специалиста не из своих односельчан, а из других районов Крыма или даже из других государств. Решающее слово при выборе учителя в мусульманской общине было за наиболее авторитетными лицами. В их числе были, прежде всего, представители мусульманского духовенства: аджи – паломники, и беи – наиболее богатые, знатные и влиятельные миряне [5, с. 28–29].

Учащиеся мектебов высказывали своему учителю всевозможные знаки внимания. Считалось, что ученик не должен в пути обгонять учителя. Придя в мектеб, учащийся не смел даже постучать в дверь. Он должен был почтительно сесть на корточки и скрестить руки на груди. Тихо и благоговейно сидя, ученик должен терпеливо ждать «пока оджа сам не появится в дверях за какой-либо надобностью и не откроет их» [6, с. 26–27]. Учащемуся не положено было приближаться к одже на известное расстояние. Он должен был во всем повиноваться своему учителю и всеми средствами избегать всего того, что могло хотя бы немного огорчить его или вызвать недоброжелательный взгляд. Наиболее авторитетных учителей школ (мектебов), прежде всего пожилых, в мусульманском обществе встречали с поцелуями руки и полы одежды. Они всегда были почетными и желанными гостями в доме любого мусульманина.

Частные школы, как правило, открывались на дому у учителя. Мусульманская община иногда приглашала того или иного учителя (обычно не местного), оплачивала жилье и учебный класс для открываемого мектеба из собственных средств. Богатый джемаат мог себе позволить даже строительство отдельного здания школы с жилыми комнатами для приглашенных учителей.

¹ Камеральное описание Крыма 1784 года (продолжение) // Известия Таврической учётной архивной комиссии, № 3. Второе издание, 1897. С. 57.

² Камеральное описание Крыма 1784 года (продолжение) // Известия Таврической учётной архивной комиссии, № 3. Второе издание, 1897. С. 59.

Главной целью мусульманских школ являлось обучение чтению Корана на арабском языке. Однако методика преподавания иностранного для крымского татарина арабского языка не была разработана. Поэтому в процессе обучения ученики сталкивались со многими трудностями.

Учебное занятие обычно начиналось с молитвы о ниспослании успеха в учебе. Сначала ученик изучал алфавит. Он вызубривал определенное количество букв, произнося бесчисленное количество раз: [элиф], [бе], [пе], [те]. Затем, под руководством своего уже старшего товарища, знакомого с алфавитом, он заучивал названия других букв. Изучение основывалось прежде всего на зрительной памяти учащегося, что помогало ему усвоить и запомнить формы букв.

После изучения этой части алфавита, на которое могли уйти месяцы, ученик приступал к знакомству с начертанием надстрочных и подстрочных знаков. На следующем этапе начиналось освоение слогов, состоящих из двух, позже из трех и более букв. Потом ему приходилось вызубривать определенную формулу, состоящую из восьми искусственно созданных, не имеющих значения «слов». В эти слова входят все сплетенные между собой буквы арабского алфавита. Лишь после этого переходили к запоминанию слов, словосочетаний и отдельных изречений. Прежде чем прочесть то или иное слово, ученик должен был произнести отдельно каждый звук, из которого он состоит. Далее ученик произносил слоги, и только после этого произносил все слово. Так как задания необходимо было выполнять вслух, а в мектебе имелся, обычно, всего один учебный класс, дети разных уровней подготовки при изучении своего индивидуального задания нередко мешали друг другу.

После ознакомления с правилами арабской графики и фонетики, ученик приступал к изучению отдельных сур из Корана – «Фатиха», «Нас», «Фалак», «Ихляс», «Ясин» и др. Во время чтения Корана учитель объяснял содержание каждого аята.

Об уровне обучения можно судить по названиям изучаемых в мектебе книг. Набор учебников и учебных пособий был крайне ограничен. Он мог состоять в отдельных школах исключительно из одного Корана. Среди наиболее используемых пособий и книг необходимо отметить «Элифбе» («Букварь»), «Чоджукълара аркъадаш» («В помощь ученикам»), «Тарих-е Ислям» («История ислама»), которые до XIX века издавались, в основном, в Турции. В наиболее обеспеченных, богатых школах имелись также и другие учебники. Так, в мектебе Сеит Ваджи Сеит Умерова в Симферополе, кроме указанных выше «Элифбе», «Чоджукълара аркъадаш» и «Тарих-е Ислям», имелись книги «Вероучение», «Учись по-турецки», «Новый учебник вероучения», которые были изданы в Турции. Из списка комплексов учебников, использованных в школах, становится ясным, что учебные планы школ в Крыму существенно отличались друг от друга.

Естественно, на протяжении истории методика преподавания в крымских мектебах могла незначительно меняться, на что оказывала влияние не только культурно-историческая действительность, но и личные качества учителя (оджи). Учитывая, что во многих мектебах был всего один оджа, то его влияние на процесс обучения трудно переоценить. Так, в отдельных, по-видимому, немногочисленных мектебах достаточным уровнем считалось умение читать и писать по-арабски отдельные аяты из Корана и молитвы. Эти умения достигались путём многочисленного механического повторения без обязательного глубокого понимания. В результате, закончив обучение, ученик мог читать и писать лишь знакомые тексты, но, при необходимости написать или прочитать новое слово, сталкивался, порой, с непреодолимыми сложностями. В то же время в других мектебах ученики получали хорошее базовое образование, позволявшее им продолжать обучение в медресе и занимать высокое место в обществе.

Учитывая генетическую близость крымской и средневосточной систем образования, нелишним будет ознакомиться с традиционным мектебом Хорасана, Балха и Бухары. Иранский исследователь Канбари, изучив сохранившиеся средневековые источники и свидетельства, пишет, что мектебы, помимо частных и находящихся при мечетях, иногда строились и при гостиницах домах или каравансараях [7, с. 122]. Помещение мектеба было очень простым, обычно это была небольшая пристройка к основному зданию (мечети или дома учителя), зачастую имевшая подвальное углубление, куда на несколько часов помещали учеников за серьёзные проступки [7, с. 122]. Учитель сидел на коврике, на небольшой возвышенности у стены, опираясь на подушку, дети сидели на простых подстилках. Письменные принадлежности состояли из калама, чернил и чернильницы, на дно которой помещали комочек ниток или волос, чтобы чернила не высыхали и не разливались, всё это складывалось в каламдан (пенал) [7, с. 123]. Подобные каламданы и сейчас в достаточном количестве представлены в экспозициях музеев Крыма. Желательным возрастом для начала обучения в мектебе считалось 6–10 лет, хотя, бывало, что рядом сидели дети 4 и 14 лет. Ограничений в возрасте не было, так как считалось, что учиться никогда не поздно. Лишь девочки могли заниматься до 7–8 лет, после чего или прекращали обучение, или, при желании родителей, продолжали учиться дома [7, с. 124]. Учебные предметы, а точнее, степень интенсивности и глубины их изучения, заранее согласовывались родителями с учителем. Всё начиналось с овладения алфавитом и внешним описанием букв, вроде «“Алеф” (ا) – ничего не имеет, “бэ” (ب) – имеет одну (точку) снизу, “гэ” (ت) – две сверху, “сэ” (ث) – три сверху, “джим” (ج) – одну в животе, “хайе хатти” (ح) – ничего в животе не имеет и т. д.» [7, с. 127].

Большой интерес представляет вопрос о численности мектебов в Крыму. Некоторое представление об их количестве в Крыму в середине XVI века можно получить из путевых заметок турецкого путешественника Эвлия Челеби, посетившего полуостров в 1666–1667 годах. Естественно, что данные Челеби относятся исключительно к тем населённым пунктам, которые он посетил, и не отражают всю картину в целом, хотя и дают представление об уровне образования в крупных населённых пунктах Крыма. Всего Челеби упомянул о 32 мектебах, или «школах для мальчиков». При этом он подчёркивал разницу между мектебом и школой более высокого уровня – медресе, указывая, что в мектебе лишь «учат азбуку» [4, с. 55]. Из упомянутых 32 мектебов о 17 он говорит в Бахчисарае («лучшие – школы Бегахдыр Герай-хана, Ислам Герай-хана и Мухаммед Герай-хана, они благоустроены» [4, с. 105]), 8 в Карасубазаре [4, с. 147]), 5 в Кёзлеве [4, с. 55], 1 в Эски-Кырыме [4, с. 167] и 1 в Керчи [4, с. 196].

Более полные статистические данные были подготовлены в 1783 году сразу же после завоевания Крымского ханства Российской империей. Для определения объёма бюджета новой территории было подготовлено «Камеральное описание Крыма», в котором можно найти данные и о количестве учебных заведений Крыма с упоминанием источников их финансирования. Необходимо иметь в виду, что речь идёт только о мектебах, получающих финансовую помощь от государства на постоянной основе, т. е. общественные (джемаатские), частные и некоторые школы при мечетях в этой «Описи» могут быть не указаны.

По данным «Камерального описания Крыма» (Ведомость №34 от 17.12.1783 г. и Ведомость № 38 от 28.12.1783 г.) всего на Крымском полуострове в тот период действовало 37 мектебов. В соответствии с принятым изначально административным делением распределение мектебов было следующим: в Бахчисарайском каймаканстве – 9 (8 в Бахчисарае и 1 в Мангупе), в Акмесджидском (Симферопольском) – 5 (3 в Акмесджиде и по одному в селениях Юкары Ичкой и Даир), в Кезлевском (Евпаторийском) каймаканстве – 7 (все в самом городе Кезлеве), в Карасубазарском – 5 (3 в Карасубазаре и 2 в Кучук Карасу), в Кефинском

(Феодосийском) каймаканстве – 11 (все в городе Кефе)³. В Перекопском каймаканстве, в соответствии с составленным описанием, не было ни одного мектеба на иждивении центральной власти.

3. Крымские медресе

Крымские медресе являлись учебными заведениями второй (после мектебов) ступени. Они готовили высококвалифицированных юристов, мулл, государственных чиновников и учителей мектебов.

Возникновение первых медресе в Крыму относится, как выше упоминалось, к золотоордынскому периоду. Практически сразу после принятия ислама в качестве государственной религии в подвластных Сараю регионах началось распространение мусульманской культуры и образования. Именно тогда в столице Крымского улуса, в городе Кырым (*совр.* Старый Крым), была построена знаменитая мечеть Узбек-хана. «Строительная надпись на мечети Узбека..., прочитанная и опубликованная Н. Мурзакевичем, свидетельствует о ее сооружении в 1314 г.» [8, с. 70]. Медресе при этой мечети было построено на средства Инджи-бек (или Ильчи) Хатун в 1332/33 г. Над дверью медресе, по свидетельству Эвлия Челеби, была сделана надпись на арабском языке следующего содержания: «Приказала построить это благословенное медресе во время султана справедливого Мухаммед Герай-хана, да продлится его счастливое правление, о, Благий, Повелитель мира здешнего и Податель благополучия, Инджи-бей-хатун, дочь бей Кылбуруна, эмира эмиров, покойного, да освятит Бог его могилу, в году 733» [4, с. 167].

Весной того же 1333 года город Кырым/Солхат ненадолго посетил арабский путешественник Ибн Баттута. Он остановился на ночь в ските у шейх(-заде) Эльхорасани, который пользовался в городе большим почётом, к нему приходили на поклон кадии, хатибы и правоведы. Ибн-Баттута не имел возможности хорошо ознакомиться со всем городом, однако сообщает, что встретился там со многими мудрыми и благочестивыми шейхами и правоведами, в т. ч. с имамом Саадеддином, со старшим ханафитским кадием Шемседдином Эссаили, с шафиитским кадием Хыдром, с правоведом-наставником Алаэддином Эласи, шафиитским хатибом Абубекром, проповедовавшим в соборной мечети, построенной на средства египетского султана Мухаммада I ан-Насира (эль-Мелик ен-Насир), с «шейхом мудрым и благочестивым» Музафареддином – бывшим православным греком, и с «шейхом благочестивым и набожным» Музхиреддином [9, с. 280–281]. Справедливо предположить, что некоторые из названных правоведов могли быть задействованы в преподавании богословских дисциплин в недавно открытом медресе города Кырым/Солхат.

Медресе Инджи-бек Хатун – единственное здание на всей бывшей территории Золотой Орды, которое к настоящему времени однозначно может быть атрибутировано как здание духовной школы. В отличие от других медресе этого периода, чьё месторасположение остаётся предметом дискуссий (в Сарае – столице Золотой Орды, Маджаре – современном Будёновске, Азаке-Азове и др.), медресе в Старом Крыму сохранилось относительно хорошо, что позволяет достоверно судить о структуре здания.

Э.Д. Зиливинская по материалам нескольких экспедиций М.Г. Крамаровского, ведущего научного сотрудника Государственного Эрмитажа, даёт следующее описание медресе Инджи-бек Хатун: «Медресе представляет собой почти квадратное здание (со стороной около 28 метров), ориентированное по сторонам света. <...> Восточная стена являлась порталной.

³ Камеральное описание Крыма 1784 года (продолжение) // Известия Таврической учётной архивной комиссии, № 7, 1889. С. 37–45.

<...> В целом портал медресе похож на портал, пристроенной к нему мечети, но больше и богаче по оформлению. За дверным проемом находился восточный айван и далее закрытый внутренний двор, окруженный со всех сторон помещениями различного назначения. Площадь двора – 240 кв. м. Двор был вымощен хорошо обработанными плитами прямоугольной формы. В центре его находился фонтан, к которому был подведен водопровод. По периметру двора была сделана колоннада. Напротив входа находился западный айван, размеры которого составляли 7,0x5,0 м. <...>. С юга и севера к западному айвану примыкали квадратные в плане комнаты, размеры которых составляли 5,0x5,0 м. Эти значительные по площади помещения были предназначены для занятий учащихся в зимнее время. С юга и севера эти помещения отделены от других комнат узкими коридорами. Вдоль северной и южной сторон двора, начиная с запада, располагается по пять небольших помещений – худжр. <...> Некоторые комнаты имели в стенах ниши для книг и письменных принадлежностей. Южный и северный ряды худжр прерываются обширными айванами, расположенными друг против друга и открытых во двор. Размеры этих помещений 6,0x6,0 м. Айваны имели высоту до 7,0 м и были перекрыты сводами. В потолках этих помещений сохранились железные кольца, на которые на цепях привешивались стеклянные лампы. По мнению М.Г. Крамаровского, эти помещения предназначались для проведения занятий в летнее время. В юго-восточном секторе расположены четыре небольшие комнаты, аналогичные остальным худжрам. Помещения, расположенные в северо-восточной части, имели несколько большие размеры и предназначались, вероятно, для проживания преподавателей» [10, с. 134–135].

Опираясь на приведённое выше описание, можно сделать предположение, что в медресе Инджибек Хатун одновременно могли обучаться около ста сохт, для проживания которых было выделено 24 комнаты (оды).

По мнению одного из первых исследователей этого памятника – А.С. Башкирова, мечеть-медресе представляет собой связующее звено средневекового Крыма с сельджукской Азией «в общих художественных исканиях» [11, с. 31]. Б.В. Веймарн отмечал, что мечеть-медресе Узбека в Старом Крыму является «интересным вариантом классических сельджукских медресе» [12, с. 404], с чем согласны и все последующие исследователи. Архитектурная близость медресе Инджи-бек Хатун в Старом Крыму с подобными сельджукскими строениями косвенно подтверждает предположение о влиянии малоазиатских центров учености, образования и духовности на формирование системы обучения в медресе Крыма.

Медресе Инджи-бек Хатун перестает функционировать в начале XV в., о чём свидетельствует состав клада серебряных монет, найденных в одной из худжр, превращенных в сторожку при гробнице [13, с. 132–133].

В XV столетии центр научной жизни Крыма переместился в новую столицу – город Бахчисарай. При Менгли-Гирей хане в 1500 году вблизи ханского дворца, в местечке Салачик, было построено новое медресе, известное сейчас как Зынджырлы-медресе, хотя до середины XVIII века упоминалось исключительно по имени своего основателя – «Медресе Менгли-Гирея» [14, с. 42]. Название «Зынджырлы-медресе», или «Цепное», оно получило от массивной железной цепи (персидское *зенджир* – «цепь»), перегородившей вход так, что желающий войти должен был поклониться этому «храму знаний» [5, с. 36].

Известный крымскотатарский ученый Осман Акчокраклы передаёт речь хана Менгли-Гирея, произнесённую им на открытии этого медресе: «С помощью Всевышнего, я, Менгли-Гирейхан, для сохранения ... земли крымской, день и ночь, по мере сил своих, преследуя цель преодоления врагов нашей священной Родины и нашего народа, и с помощью преданных сыновей земли нашей, которые также трудились не покладая рук. Хвала Аллаху, милостью которого я одержал победу... Думая о вашем будущем, я исполняю волю Аллаха. В нелегкое время создания храма не вспоминал о покое на том свете, не лил слезы по поводу

наказания в загробном мире, не создавал в душе своей образ конца света. Но думая о прощении и милости Всевышнего, строил сей храм. И чтобы здесь могли учиться и представители самых бедных слоев общества, открыл благотворительный вакуф. Думаю, что, изучая науки и познавая мир, сохты этого высокого училища не забудут помянуть меня в своих молитвах. Радостью наполняется душа моя... И чтобы дела нашего государства шли ровно и с прогрессом, ввёл для изучения сохт как религиозные, так и светские науки. И это было моим сильным желанием...» [8, с. 105–106].

Крымские медресе можно разделить на несколько типов. Наиболее авторитетными, известными и влиятельными были столичные бахчисарайские медресе: Ханское, Орта и Зынджырлы. Второстепенными стали некоторые городские и даже сельские медресе, среди которых особенно выделялись Карасубазарское Текье, Керченское Сары-Эмин и деревенские Ташлыдаире, Озен-баше и Акчоре. Все остальные, главным образом, деревенские медресе, менее всего могли претендовать на это название. Эти последние постепенно «выродились» и к концу XIX века имели очень жалкий вид. Различные по типам медресе подразделяются и по средствам содержания, и по уровню образования, и по авторитету в среде крымскотатарского народа [5, с. 37].

Рассматривая крымские медресе, мы, в первую очередь, обратили особое внимание на Зынджырлы-медресе, как наиболее крупное и богатое, а также на Орта и Ханское. Акцент, делаемый нами на этих учебных заведениях, основывается на сообщении журналиста газеты «Вақыт», описавшего в начале XX века крымские медресе. Он писал, что медресе, заслуживающие на самом деле это название, существуют только в Бахчисарае [15].

Медресе вообще, и крымские в частности, содержались за счет вакуфов, т. е. завещанных средств, капиталов и недвижимости. Самым видным в этом смысле являлось Зынджырлы-медресе. «Это, пожалуй, самое большое и богатое медресе не только в Крыму, но и во всей России», писала в 1890 году газета «Терджиман» [16]. Из кадиаскерских книг известно, что в начале XVII века жалование мудерриса этого медресе обеспечивалось за счёт дохода от переданных Газы-Гираем в вакф лавки, дома и кофейни в Гёзлеве [17, с. 91]. Вакуфным доходом в то время покрывались и нужды учеников медресе [14, с. 37].

Традиционно Зынджырлы-медресе владело крупным участком сенокосной и пахотной земли у деревни Улу-Коль, завещанной основателем медресе Менгли Гиреем. Часть средств, полученных с вакуфов, обычно шла на ремонт здания медресе. Остальная сумма делилась поровну между мудеррисом (ректором) и сохтами (студентами). «Этот обычай содержать за счет вакуфов не только учителя, но и учеников, весьма распространен в медресе, особенно старинных», – отмечал в свое время директор народных училищ Таврической губернии Е.Л. Марков [18, с. 107]. Он же приводит и сумму вакуфов, равнявшихся тогда 2016 рублям 36 копейкам. Из этой суммы всего 362 рубля ушло на ремонт помещений Зынджырлы медресе. Остальная же сумма в 1654 рубля с копейками была разделена по обычаю [18, с. 107].

Особенностью медресе, как формы высшего учебного заведения крымских татар, была довольно сложная структура преподавательского состава и вспомогательного персонала. Руководителем медресе являлся мудеррис, исполнявший должность ректора этого учебного заведения, мусульманского священнослужителя и одновременно действующего профессора. За внутренним порядком в медресе следили назначенные мудеррисом надзиратели. В Зынджырлы-медресе один из надзирателей являлся заведующим библиотекой (китапханэ мухафыс) и отвечал за сохранность книг согласно имеющемуся каталогу. Мутевели (казначей) являлся хранителем вакуфной собственности. В религиозном обучении сохт (студентов) помогал имам и мазин (помощник имама). Помощь в изучении родного языка могли оказывать мудеррису специально приглашаемые оджа (учитель), мулла-репетитор для младших сохт и учитель чистописания – каллиграф-хаттат. В каждой группе сохт назначался мудеррисом

старший – буюк. Его должность была почетной. В обязанности буюка входило не только слежение за внутренним порядком, но и оказание помощи младшим в изучении того или иного предмета [19]. Иногда назначался старший над буюком – мумеиз [20]. Кроме этого, в медресе иногда существовала и должность сторожа. Разумеется, она вводилась в наиболее богатых медресе.

Возрастной ценз приема учащихся в медресе соответствовал 12 годам. Абитуриент должен был иметь свидетельство об окончании мусульманской школы первой ступени – мектеба. Желаящие стать сохтами (студентами) не должны были страдать какими-либо заразными хроническими заболеваниями. Соответствовавший всем этим требованиям абитуриент принимался в медресе без вступительных экзаменов.

Строго регламентировался и внутренний порядок в медресе. В определенное, установленное начальством время производился подъем и отбой сохт. В обязанности им вменялось ежедневное совершение намаза в мечети медресе. Они должны были регулярно посещать занятия, уроки, лекции. Категорически запрещалось без разрешения мудерриса или надзирателя отлучаться за пределы медресе.

Нескольким сохтам выделялась отдельная комната – ода. В ней мудеррисом назначался один старший – буюк. В его обязанности входило наблюдение за выполнением студентами – сохтами своих уроков и за внутренним порядком. В случае нарушений, буюк должен был немедленно доложить о случившемся своему непосредственному начальству – мудеррису, его помощникам или надзирателю.

Студентам (сохтам) одной оды (комнаты) разрешалось посещать своих товарищей из других комнат только по делу. Пришедший не имел права оставаться там «по окончании дела»⁴. Разговаривать между собой сохты обязаны вежливо и по возможности тихо. Младшие должны относиться к старшим уважительно. Между собой им запрещалось употреблять какие-либо оскорбительные, и тем более ругательные слова. Это строго наказывалось. Не разрешалось шуметь, спорить и ссориться. Строго воспрещалось не только употреблять, но и приносить спиртные напитки. Провинившийся в этих проступках сохта разбирался на совете мудерриса с преподавательским персоналом медресе и либо подвергался соответствующему наказанию, либо изгонялся из учебного заведения⁴.

В старых крымских медресе весь курс обучения был рассчитан на период от семи до девяти лет. Однако не все студенты были в состоянии закончить обучение. Сначала изучался арабский язык, его грамматика. В первую очередь сохты приступали к изучению самого легкого арабского глагола «насаара» (помог). Это объясняется тем, что в нем встречается одна и та же гласная буква, и коренная согласная не изменяется во флексиях. Этому глаголу посвящался целый одноименный раздел. Далее изучался более трудный глагол «алима» (знал) уже с двумя разными гласными. После этого сохты изучали другие глаголы, которые являлись частью курса морфологии «Ильм-уль сарф». Завершив освоение морфологии, сохты приступали к изучению синтаксиса «Ильм-уль нахв», логики «Ильм-уль мантык», трех частей риторики: «Ильм-уль беян», «Ильм-уль бедса», «Ильм-уль маани». Далее начиналось подробное изучение Корана, с пространными комментариями и при помощи «Тафсира». После чего сохты изучали правила шариата и нормы мусульманской юриспруденции «Ильм-уль-фикх».

Интересные сведения о науках, преподаваемых в медресе Бахчисарая в середине XVII века, можно почерпнуть из «Сийхатнаме» Эвлия Челеби. В 1666 году он был гостем при дворе крымского хана и имел возможность близко познакомиться с членами его семьи. Одному из них – Селим-Гираю (будущему крымскому хану Селим I Гераю), Челеби посвятил

⁴ Российский государственный исторический архив, ф. 821, оп. 133, д. 466, л. 380–380 (об).

небольшой раздел своих путевых заметок. Характеризуя юного принца, он пишет: «Этот великий султан – один из трёх братьев. Вторым из них является Мубарек Герай-султан, воспитанный в стране черкесов, в племени Заба. Третий из этих братьев – Деде Мухаммед Герай-султан. Но Селим Герай-султан – старший из братьев. Они с Деде Герай-султаном получили образование в городе Бахчисарае. Селим Герай-султан овладел всеми необычайными и удивительными науками, стал хафизом всего Корана, изучил персидский язык и стал мудрым падишахом, читающим “Месневи”, тысячеискусником весёлого нрава и милостивого характера. <...>. В науке чтения Корана он сведущ и изучил семь стилей чтения, а в науке произношения звуков ему нет равных. <...> Днём и ночью они беседуют с нашим господином ханом, обсуждают науки Шариата и ведут дискуссии по многим благородным наукам [4, с. 117]. Таким образом, можно говорить, что в медресе Бахчисарая (вероятнее всего – в медресе Менгли-Гирея (оно же «Зынджырлы-медресе»)) в середине XVII века преподавались коранические науки, в т. ч. заучивание самого Корана и различные стили его чтения, исламское право (фикх), арабский язык и персидский язык, персидская поэзия, метрика и стихосложение и т. д.

Преподавание персидского языка и литературы в традиционном крымском медресе было скорее исключением, чем правилом. Известно лишь о 4-х медресе, в которых в разное время преподавали персидский язык. Это Зынджирлы-медресе, медресе в Гезлеве (Евпатории), в Дерекое (на территории современной Ялты) и в Кафе (Феодосии) [21, с. 161]. «Для изучения языка использовались классические персоязычные литературные произведения, в первую очередь «Маснави» Руми и «Гулистан» Саади, чем объясняется особая распространённость их в Крыму. Кроме того, предпринимались попытки сделать описание грамматики персидского языка. В частности, Гордлевский упоминал виденную им в Восточном музее Ялты грамматику персидского языка, составленную османскими стихами. Как и многие другие письменные памятники, эта грамматика на территории Крыма не сохранилась» [21, с. 160]. Однако в собрании Национальной библиотеки и архивов Египта в Каире имеется другая рукопись, посвященная строю персидского языка. Это сочинение Кемаль-паши-заде قواعد الفرس, переписанное в шеввале 1088 г.х. (ноябрь–декабрь 1677 г.) неким ас-Сейид Рахматуллою бин ас-Сейид Мухаммед бин ас-Сейид Биляль ал-Кырыми [22, с. 49–50].

Традиционными для большинства крымских медресе были такие учебные дисциплины, как арабский язык, правила шариата и нормы мусульманского права, логика и риторика. Сохты изучали и светские дисциплины. Так, И. Гаспринский писал: «Было время, и об этом смутно знают почти все грамотные мусульмане, по крайней мере 50–60 % их, – когда мусульмане учили в своих медресе – ильми-тыбие (медицина), ильми-икмет (физика), ильми-кимья (химия), ильми-набадат (ботаника), ильми-нуджум (астрономия), ильми-эkdесе (геометрия) и проч. ... были медресе с 20–30-ю профессорами (мудеррисы, муаллимы), преподававшими разные умозрительные и сложные науки. Программа же теперешнего татарского медресе – арабский книжный язык, теология и схоластика» [23, с. 39–40].

Когда под влиянием И. Гаспринского в Крыму появились новометодные школы, перечень учебных дисциплин обогатился, хотя, особенно на первых порах, изучение богословских наук по-прежнему занимало основное место. Так, на рубеже XIX и XX веков в медресе селения Дереккой, где в своё время преподавал И. Гаспринский, серьёзно изучали Коран и связанные с ним науки, а также арифметику и географию; кроме родного крымскотатарского языка, изучали арабский и персидский, потом добавился ещё русский язык, гимнастика и пение⁵.

⁵ Памятная книжка Таврической губернии / Сост. статистическим бюро губернского земства под ред. К.А. Вернера. Симферополь: Тип. газеты «Крым», 1889. С. 129.

Кроме образовательной деятельности в крымских медресе также готовились списки с ценных рукописей на арабском, персидском и староосманском языках, преимущественно в образовательных целях для применения их в процессе обучения. Так, среди крымских переписчиков была популярна грамматика арабского языка *الفوائد الضيائية الجامي*, составленная великим персидским поэтом, суфием и учёным Абд ар-Рахманом Джами (1414–1492 гг.). Сохранилось как минимум четыре списка с этой грамматики. Кроме того, на неё было сделано немало так называемых хашие, т. е. комментариев. Часть подобных хашие были переписаны в крымских медресе Абид-эфенди и Буран Кары (Бурак Кары – совр. Константиновка). Последнее селение известно тем, что в нём, по сведениям султана Саид-Гирея, жил шейх Сары Мехмед-эфенди, прекрасный знаток рецитации Корана, владевший персидским языком [22, с. 49].

Напрашивается, естественно, вопрос: откуда и когда первоначально появились профессора и преподаватели, которые вели занятия в крымских медресе? Ответ на этот вопрос мы находим у Эвлия Челеби, который, основываясь на «Истории Тохта бая» (средневековое историческое произведение), в своей «Книге путешествий» сообщает о том, что Берке-хан с восьмидесятитысячным войском направил своих коней из Крыма в Балх, Бухару, Туран, Чин-Мачин, Хотан, Фергур и Туркестан. Он заставил подчиниться всех непокорных падишахов. Собрал около тысячи восьмисот ученых-шейхов и привел их с почестями в Крым. Построил всем им мечети и медресе, а [хан] с газиями построили для всех ученых и их семей дома. С тех пор род Чингизидов прославился. Сначала в городе Кырыме их стали провозглашать в хутбе, как о господах меча и пера [4, с. 234].

Усилия Берке-хана не прошли даром. Со временем в крымских учебных заведениях под руководством переехавших сюда шейхов и улемов со всего Ближнего и Среднего Востока были подготовлены сотни высококвалифицированных ученых, получивших широкую известность далеко за пределами полуострова. В настоящее время известны имена более двух десятков ученых и мусульманских правоведов, признанных в различных центрах мусульманского мира того периода – Каире, Дамаске, Кудсе (Иерусалим), Бурсе, Эдирне, Стамбуле, Триполи и т. д.

В 1412 году Крым посетил известный ученый, историк и поэт Ибн Арабшах (ум. 1450), впоследствии в одном из биографических трудов отметивший свои встречи с местными учеными и поэтами: Ахмедом Буйруком, Мевляна Шерифетдином, Мевляна Махмудом аль Булгари и Абдульмеджидом аль Кырыми [24, с. 19].

Правовед-факих Мевляна Шерифетдин Кемаль эль-Кырыми (ум. 1443, Бурса), получив на родине прекрасное образование и даже диплом (с отличием) из рук самого знаменитого мусульманского религиозного авторитета того времени Мухаммада аль-Беззаза, в результате политической нестабильности покидает Крым и оказывается при дворе османского султана Мурада II (1421–1444). Заслужив расположение султана, Мевляна Шерифетдин начинает преподавательскую деятельность, совершает хадж. Им был написан комментарий на труд по фикху Хафизутдина ан-Насафи (ум. 1310) «Менар» (Маяк светочей) – «Шарх-уль Менар», признанный в свое время одним из лучших среди двух десятков известных комментариев на это произведение [24, с. 15–16].

Еще одним крупным крымским ученым XV века является Сейид Ахмед б. Абдуллах эль-Кырыми (Мевляна-и Кырыми, ум. 1474, Стамбул). В период правления османского султана Мехмеда II Фатиха (1451–1481) Мевляна-и Кырыми приехал в Стамбул и удостоился чести преподавать в наиболее престижных османских медресе. Его имя часто фигурирует в османских источниках, в частности, в связи с диалогом, имевшим место между ним и Мехмедом Фатихом. В одной из бесед, на вопрос султана о том, «что же происходит в Крымской стране, славящейся обилием ученых, являющейся родиной 600 религиозных авторитетов (муфтиев) и 300 авторов различных произведений (мусанниф)», – Сейид Ахмед

ответил, что в его стране появился некий визирь, который позволил себе грубо обойтись с местными учеными. В результате этого, люди науки стали покидать родные места, а поскольку ученые являются душой и сердцем государства, болезни же сердца передаются всем другим частям организма, исход ученых нанес Крымскому государству непоправимый урон [25, с. 248–249].

Переехав в Турцию, Сейид Ахмед Кырыми создает целый ряд трактатов по различным областям исламских наук, логике, филологии и мистицизму, которые в многочисленных списках хранятся ныне в рукописных собраниях Турции [26, с. 14]. О незаурядном поэтическом творчестве Сейид Ахмеда эль-Кырыми свидетельствует и его участие в мушаире (поэтическое собрание) вместе с высокопоставленными чиновниками и представителями ученого сословия, которым были предложены стихотворные ответы на поэтическую строку, сочинённую султаном Мехмед Фатихом. Источники сообщают подробности этого собрания и приводят тексты ответов, среди которых один принадлежит Мевляна-и Кырыми [27, с. 21].

О широком присутствии крымских ученых в исламском мире в XIV–XV веках свидетельствует также энциклопедия персоналий известного арабского библиографа Мухаммада ас-Сахави. В ней содержатся сведения, по меньшей мере, о пятнадцати ученых крымского происхождения: Абдуллах бин Мухаммед эль-Кырыми, Али бин Мухаммед эль-Кырыми, Махмуд бин Омер эль-Кырыми, Юсуф бин Хусейн эль-Кырыми, Эфзаледдин эль-Кырыми, Омер эль-Кырыми, Неджмеддин Исхак бин Исмаил эль-Кырыми, Бурханеддин Ибрахим эль-Кырыми и др. [Bursali, 1990, с. 48]. Из них Неджмеддин эль-Кырыми (ум. 1475, Каир), переехав из Крыма в Каир, занял место кадыаскера Египта, одновременно исполнял обязанности мудерриса и шейха в известном Каирском медресе султана Кайнтбая [28, с. 15].

Практически все перечисленные выше учёные были выпускниками медресе Инджи-бек Хатун в Старом Крыму. За два столетия функционирования этого медресе из его стен вышли тысячи квалифицированных специалистов, обеспечивавших не только преемственность знаний в Крыму и за его пределами, но и развитие различных направлений науки и творчества.

Несмотря на немногочисленность сохранившихся источников, имеются сведения о создании в Крыму, по меньшей мере, трех весьма значительных поэтических памятников, составляющих золотой фонд не только крымскотатарской, но и всей литературы тюркских народов в целом. Речь идет о двух поэмах на сюжет коранической легенды о Юсуфе и Зулейхе, принадлежащих перу крымских поэтов Махмуда Кырымлы (кон. XII – нач. XIII в.) и Абдульмеджида Кырымлы (кон. XIV – нач. XV в.), а также 800-страничном суфийском поэтическом трактате на персидском языке – «Каландар-наме» Эбу-Бекра Каландара Руми (кон. XIII – первая половина XIV в.). В предисловии к опубликованному переводу этого произведения Миргалеев И.М. пишет: «“Каландар-наме” (в первом дафтаре назван “Ушшак-наме” – “Поэма о влюбленных”) является единственным сохранившимся произведением Абу Бакра Каландара и, по всей видимости, основным трудом всей его жизни. Он писал его постепенно на протяжении более двадцати лет (между 1320/1321 и 1340/1341 гг.). Этот труд, состоящий из пяти дафтаров и содержащий 16121 бейт, представляет собой мистико-дидактическую поэму, посвященную самым различным вопросам суфийской доктрины» [29, с. 40].

Не меньших успехов достигли и выпускники многочисленных медресе периода Крымского ханства, прежде всего, Зынджырлы-медресе. Среди известных его выпускников можно назвать таких ученых, писателей и общественных деятелей, как Абибулла Керим, Шамиль Тохтаргъазы, Абдулла Озенбашлы, Абляким Ильмий, Якуп Шакир-Али, Джемиль и Якуб Керменчикли, Абибулла-эфенди, Абдерешит-эфенди, Мемет Нузет и многие другие. В Зынджырлы-медресе в разное время преподавали крымскотатарские историки Роммал Ходжа

(XVI век), Абдул вели-Эфенди и Хейр-заде-Эфенди (XVII век), Мухаммед Риза (XVIII век), известный философ Абдул Азис-Эфенди (XVII век).

Особый интерес представляет количество медресе в Крыму в рассматриваемый период и численность обучавшихся в них студентов. В «Сияхатнаме» Эвлия Челеби (1666–1667 гг.) имеются отдельные упоминания о крымских медресе, которые позволяют частично пролить свет на этот вопрос. Так, описывая Гёзлев (современная Евпатория), он указывает: «Всего здесь два медресе – пристанищ учёных-толкователей. Но специальных отделений для изучения хадисов и стилей чтения Корана нет. Потому что учёных-знатоков хадисов и учёных-хафизов Корана нет» [4, с. 55]. Точное количество медресе в Бахчисарае Челеби указать не смог и оставил пропуск в этом месте, желая, видимо, уточнить и вписать позднее. Тем не менее, он упоминает два из них: «Самое лучшее – в Саладжике, около дворца Менгли Герай-хана, а также медресе Сахиб Герай-хана. Но специальных отделений для изучения хадисов и стилей чтения Корана нет» [4, с. 105]. В разделе «Восхваление уважаемых благородных шейхов [Бахчисарая]» Челеби называет имена наиболее авторитетных педагогов: «Лучшие из них – имам мечети Сахиб Герай-хана и хромой школьный учитель Зари-эфенди, а также имам [мечети] Куба Сары-ата» [4, с. 111]. Ещё по два медресе Челеби указывает в городах Акмесджид [4, с. 139] и Эски Кырым (бывший Кырым/Солхат) [4, с. 167]. Эски Кырым произвёл на Челеби сильное впечатление, прежде всего, обилием памятников старины, свидетельствующих о былом величии этого города и его развитии. Челеби восклицает: «Если я стану описывать все тарихи бессчётных постоянных дворов, мечетей соборных и квартальных, бань, текке, медресе и многих сот тысяч прочих зданий, которые не под силу сотворить роду Адама, то получится сборник тарихов. Теперь много сот тысяч огромных зданий являются крепкими и стоят, как новые, будто они только что вышли из-под руки мастера. Но они стали гнездовьями сов, воронов, птиц масаса и летучих мышей» [4, с. 168–169].

О высших учебных заведениях Карасубазара Челеби пишет: «[В Карасу] всего пять медресе учёных-знатоков хадисов. Но специальных отделений для изучения хадисов и стилей чтения Корана нет. Однако в медресе этого города много учёных-знатоков хадисов. Когда они по всем правилам чтения читают Коран, они следуют Ибн Кясиру и семи стилям чтения. Хафизов Корана нет. Но много татарских учёных, совершенствующихся в науках познания сущности, постигших море смысла и сокровищницу основополагающих знаний» [4, с. 147]. Ещё о пяти медресе Челеби говорит в городе Кафа: «Всего пять медресе – убежищ науки. Во-первых, медресе Хаджи Фархада. Оно самое превосходное из всех <...>. Но специальных отделений для изучения хадисов и стилей чтения Корана нет» [4, с. 184]. Ещё одно медресе, по свидетельству Челеби, находилось в пригороде Кафы, селении Топраклы, расположенном к западу от города [4, с. 187]. По одному медресе имелось в Инкермане и Керчи, в Судаке медресе не было. Таким образом, всего Челеби упомянул о существовании 20 медресе, при том, что точное число их в Бахчисарае не указано (стоит пропуск), и упомянуто лишь два из нескольких.

В соответствии с данными упомянутого выше «Камерального описания Крыма» (Ведомость №34 от 17.12.1783 г. и Ведомость № 38 от 28.12.1783 г.) всего на Крымском полуострове в тот период было зафиксировано 30 медресе. В том числе в Бахчисарайском каймаканстве – 8 (3 в Бахчисарае, 1 в Муфти арпалык и 4 – не указано), в Акмесджидском (Симферопольском) – 9 (1 в самом Акмесджиде и ещё 2 в Акмесджидском кадылыке, по 2 в Ташлыном и Чуюнчинском кадылыках, по одному в селениях Даир, Ташлы Шейхеле Бешпаресы, Зуя и Салгир), в Кезлевском (Евпаторийском) каймаканстве – 5 (ни одного в самом городе Кезлев, но 4 в Тарханском кадылыке и 1 в Мангытском), в Карасубазарском – всего 3 (ни одного в самом Карасубазаре, 2 в Тамакском кадылыке и 1 в Насывском), в Кефинском

(Феодосийском) каймаканстве – 5 (все в самом городе Кефе). В Перекопском каймаканстве, в соответствии с составленным описанием, не было ни одного медресе, как, впрочем, и мектеба⁶.

В соответствии с другими данными, число медресе в Крыму на тот же 1783 год доходило до 1500 [22, с. 61]. Это утверждение строится, вероятнее всего, на данных из того же Камерального описания, где говорится о существовании в Крыму 1411 деревень⁷. Если предположить, что в каждой деревне имелось медресе, то можно согласиться с прежним утверждением. Однако необходимо учитывать, что в тех 1411 деревнях имелся всего 14091 двор⁷, т. е. в среднем по 10 дворов на деревню. В таком случае предположение о существовании в Крыму в 1783 году 1500 медресе выглядит маловероятным.

Заключение

Анализ материалов по истории крымскотатарского народного образования XIV–XVIII веков показал, что оно было генетически связано с традиционной формой образования на Среднем и Ближнем Востоке и имело два уровня: начальное, получаемое в мектебе, и высшее – в медресе. Мектебы делились на три основных типа: приходские (располагались при мечети и были очень авторитетными), общественные (джемаатские) и частные. Обучение в мектебе было направлено, в первую очередь, на выработку навыков чтения и письма на крымскотатарском и арабском языках, знание арифметики, основ Корана и исламского правоведения. В медресе, как высшей форме традиционного крымскотатарского образования, проходили обучение будущие исламские правоведы, муллы, государственные чиновники и учителя мектебов. Наиболее известными медресе Крыма в золотоордынский период было медресе Инджи-бек Хатун в городе Кырым/Солхат и Зынджырлы-медресе в Салачике (на территории современного Бахчисарая). Выпускники этих заведений были известны далеко за пределами Крыма.

⁶ Камеральное описание Крыма 1784 года (продолжение) // Известия Таврической учётной архивной комиссии, № 7, 1889. С. 37–45.

⁷ Камеральное описание Крыма 1784 года (продолжение) // Известия Таврической учётной архивной комиссии, № 6, 1888. С. 39.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тримингем Дж.С. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. А.А. Ставиской, под ред. и с предисл. О.Ф. Акимушкина. – М.: Наука, 1989. 328 с.
2. Абдульвапов Н.Р. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды / Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2015. №1. С. 30–45.
3. Меметов А.М. Источники формирования лексики крымско-татарского языка. Ташкент, 1988. 112 с.
4. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения турецкого путешественника XVII века). / Перевод, вступительная статья и комментарии канд. филол. наук Е.В. Бахревского. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Симферополь: Доля, 2008. 272 с., ил.
5. Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). Симферополь: «Таврия», 1998. 164 с.
6. Андриевский Ф.Н. Мусульманский мектебе и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове (Исторический очерк). Симферополь: Изд-во Таврич. губ. земства, 1908. 145 с.
7. قنبری، محمدرضا. نگاهی به مکتبخانه در ایران // فرهنگ مردم ایران، تابستان، 1386 شماره 9. ص. ۱۱۹–۱۳۹
8. Акчокраклы О. Эсерлер топламы [Собрание сочинений] / О. Акчокраклы; [исследования, тексты, транслитерация с арабской графики, глоссарии проф. И. Керимова]. Акъмесджит: Таврия, 2006. 320 с.
9. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 (Извлечения из сочинений арабских). – Санктпетербургъ, 1884. 564 с.
10. Зиливинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 2 (32). С. 129–151.
11. Башкиров А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым – М., 1926. – № 2.
12. Веймарн Б.В. Искусство Крыма // История искусства народов СССР. М., 1974. Т. 3.
13. Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура / М.Б. Пиотровский (ред.). СПб: «Славия». 2005. С. 13–172.
14. Зайцев И.В. Рукописи медресе Зынджырлы и его первоначальное название // Исламское образование в Крыму Исторические вехи и пути возрождения. Симферополь, 2016. С. 36–42.
15. Шереф А. // Вақыт. № 1283 – 29.08.1913.
16. Зинджирли-медресе // Терджиман. 1890, №6. 18.02.1890.
17. Туран А.Н. Судебные реестры Крымского ханства (после их обнаружения) // Культура народов Причерноморья. 2002. № 30. С. 90–93.

18. Марков Е.Л. Материалы по вопросу об образовании крымских татар, извлеченные из дел Таврической дирекции училищ и других местных источников директором Таврических училищ Макаровым // Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1869.
19. Зинджирли-медресе // Терджиман. 1885, №26. 07.10.1885.
20. Медресе в прошедшем и будущем // Переводчик – Терджиман. 1895, №1. 07.01.1895.
21. Сухоруков А.Н. Персидский язык в Крыму до 20-го века // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной иранистики. Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 2015. С. 139–167.
22. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Вост лит., 2009. 304 с.: ил.
23. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь: Изд. тип. Спиро, 1881. 45 с.: ил.
24. Yuvalı A. ibn Arabşah Şehabeddin / Abdülkadir Yuvalı // Islam Ansiklopedisi/ – Istanbul, 1999.
25. Mevlâna Kırımı Seyid Ahmed bin Abdullah // Islâm Alimleri Ansiklopedisi. Istanbul, t/s. S. 248–249.
26. Bursalı M.T. Osmanlılar Zamanında Yetişen Kırım Müellifleri / Haz.: Mehmet Sarı. Ankara, 1990. 64 s.
27. Emiri Ali. Kırım Edebiyatı ve Fatih Sultan Mehmed Han Hazretleri İle Vükelâ ve Vüzerâ ve Ulemâ ve Şurasının Mevlânayı Kırımî Hazretleriyle Müşaareleri / Haz.: İ Akçay / Ali Emiri // Emel. – 1995 (Kasım – Aralık). – Sayı: 211.
28. Şerafeddin. Kırımdan yetişen türk alimleri / Haz.: İsmail Akçay / Şerafeddin // Emel. – Sayı: 203. 1994 (Temmuz-Agustos).
29. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.

Memetov Ayder

V.I. Vernadsky Crimean federal university, Simferopol, Russia
E-mail: aydem44@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0306-0538>
РИИЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=890133

Memetov Iskander Ayderovich

V.I. Vernadsky Crimean federal university, Simferopol, Russia
E-mail: isken25@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0417-1475>
РИИЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=890581

Sukhorukov Aleksei Nikolaevich

V.I. Vernadsky Crimean federal university, Simferopol, Russia
E-mail: sankafd2004@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9221-2240>

Medzhitova Edibe Nazimovna

V.I. Vernadsky Crimean federal university, Simferopol, Russia
E-mail: medzhitova-ydi2008@yandex.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6561-4324>
РИИЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=827758

To the history of Crimean-Tatar traditional education

Abstract: Research objective: The main purpose of the present research is to study the development of the Crimean Tatars public education of the XIV–XVIII centuries and to create a comprehensive, holistic picture of the development of education in Crimea before joining Russia (1783).

Research materials: The article materials are based on archival and little-known printed sources. In the article, to a large extent, for the first time, new factual material is introduced into scientific circulation, and this is the first attempt to comprehensively study the process of public education development of the Crimean Tatars and their educational institutions in the XIV–XVIII centuries. For a deeper study of the origins and roots of the ethnopedagogical principles of the Crimean Tatars, the folklore material is also used in the present work.

Research results and novelty: In the Middle Ages, especially during the Golden Horde period and during the Crimean Khanate, cultural and scientific life on the Crimean peninsula was closely connected with the region of the Near and Middle East. The education system in Crimea followed the eastern (Islamic) tradition – since the end of the 13th century traditional Islamic primary educational institutions (mektebs) have been functioning on the peninsula. They were divided into three main types: parish (located at the mosque and were very authoritative), public (Djemaat) and private. Education at the mekteb was aimed, first of all, at developing the skills of reading and writing in the Crimean Tatar and Arabic languages, knowledge of arithmetic, the basics of the Quran and Islamic jurisprudence. Since the beginning of the 14th century, higher educational institutions (madrasahs) have appeared in Crimea, where future Islamic lawyers, mullahs, government officials and teachers of mektebs were trained. The most famous madrasahs of Crimea in the Golden Horde period were the Inji-bek Khatun madrasah in the city of Kyrym/Solkhat and the Zyndzhyrly madrasah in Salachik (in modern Bakhchisarai). The graduates of these institutions were known far beyond the borders of Crimea. The main attention in the article is paid to a number of important issues of the Crimean Tatars education, the principles of confessional Crimean Tatar schools functioning are revealed, the structure of the educational process in them and certain issues of teaching methods are considered.

Keywords: Crimea; Golden Horde; Crimean Khanate; Crimean Tatars; education; mekteb; madrasah